

Глава II

1

Товарищ Юрия Нахватава по работе Дмитрий Гусев едва помнил своего отца. Тот погиб на фронте, защищая Родину. Мать Дмитрия, Анна Ивановна, не вышла замуж — не хотела приводить в дом отчима — и всю нерастраченную любовь и нежность отдала своему сыну. Работа отнимала у неё много времени, и растить и воспитывать ребёнка одной ей было трудно.

Дима рос бойким и смышленным мальчиком. Учился хорошо, но часто отвлекался от уроков. То займётся купленным матерью конструктором, и его не дозовёшься ни к обеду, ни к ужину. То начнёт рисовать, и тогда только давай ему бумаги; а то увлечётся книжками про путешествия, и Анне Ивановне стоит немало труда, чтобы отвлечь его от книги и заставить учить уроки.

Его выручали природные способности, быстрая сообразительность и цепкая память. Поэтому он часто радовал мать, принося хорошие отметки. Среднюю школу закончил хорошо, без труда поступив в медицинский вуз, закончил его с отличием, что дало ему возможность сразу же по окончании института поступить в клинику клиническим ординатором. После прохождения курса мы оставили его ординатором при клинике. Он довольно быстро освоил нашу медицинскую аппаратуру, которая с каждым годом становилась все сложнее, а специалистов-инженеров в штате клиники не имелось. И если бы не Дима, многие из наших аппаратов стояли бы без действия.

Анна Ивановна не могла нарадоваться на своего сына, справедливо считая, что во всех его успехах заложены её труд и бессонные ночи. Её беспокоили лишь два момента.

Первое, что Дима, взяв тему диссертации, над ней не работает. И второе — Диме уже под тридцать, а он и не заикается о женитьбе. А ей так хотелось бы понынчить внучат.

Все её мысли были о Диме...

— Он совсем о себе не думает. Случись что со мной, как он будет жить без меня?! — говорила она приятельнице.

Анна Ивановна всегда отличалась неплохим здоровьем и привыкла не обращать на него внимания. Поэтому, когда появились какие-то неприятные ощущения под ложечкой, она старалась не фиксировать на этом внимание, полагая, что это у неё «нервы шалят».

Наконец ей стало невмоготу, и она осторожно, чтобы не напугать сына, сказала ему, что у неё что-то побаливает живот. Дима испугался. Он и сам замечал, что мать побледнела и похудела. Но он так привык, что заботятся только о нем, а ему не приходится ни о ком проявлять заботы, что не обращал на это внимания.

Теперь же, когда Анна Ивановна пожаловалась на боли в животе, он как врач сразу подумал о возможности плохого. И, мысленно сопоставив факты, забеспокоился ещё больше. Потом выяснилось, что первой мыслью его было бежать к профессору и обо всем посоветоваться.

В клинике у нас со времен Н.Н. Петрова был заведён неписанный закон: всех сотрудников и их близких в случае болезни показывать шефу. И он же, если было необходимо, делал операцию. Такое отношение к сотрудникам было естественным. Врачи и сестры, ухаживая за больными, часто перерабатывали, оставались около тяжёлобольных сверх положенного времени, иногда сутками дежурили у них безвозмездно, и поэтому мы полагали, что каждый из сотрудников клиники своим самоотверженным трудом заработал себе

право на то, чтобы его проконсультировал и прооперировал сам профессор.

Незадолго до этого у профессора с доктором Гусевым был довольно строгий разговор. Вызвав его к себе, шеф просил отчитаться о работе над кандидатской диссертацией. Оказалось, что Гусев её давно в руки не брал, так как занялся каким-то новым аппаратом.

— Без этого аппарата мы не можем делать операции с искусственным кровообращением. Вся бригада меня торопит, а я никак в нём не разберусь. Вот и отложил свою тему.

— Послушайте, Дмитрий Иванович, — сказал профессор. — Так над темой не работают. Кандидатскую надо писать не более трёх лет. Вы же взяли тему пять лет назад, а у вас и конца-краю не видно.

— Вот сделаю прибор и тогда возьмусь за работу. Обещаю вам.

— Ну смотрите. А то отниму у вас тему и передам другому, — пригрозил профессор шутя.

Весь разговор, хотя и в строгих тонах, был проникнут доброжелательством к молодому доктору. Шефу нравилась его увлекающаяся натура, нравилось, что он совсем лишен тех меркантильных соображений, которые толкают иных врачей поскорее написать кандидатскую, чтобы получать большую зарплату. Гусев же больше думал о текущих делах в клинике, чем о собственном благополучии. Однако строгий тон разговора Дмитрий Иванович воспринял как недовольство им, и, когда Анна Ивановна сказала ему про свою болезнь, он не пришёл к шефу, чтобы проконсультироваться, а, встретив Юрия, высказал ему свои опасения и сомнения.

— Хочу посоветоваться с шефом, да не знаю, как пойти к нему. На днях так меня пробирал за мою диссертацию...

— И не ходи к нему. Я уверен, что он тебя не примет, он тобой недоволен и раздражен, — подлил Юрий масла в огонь.

— Как же быть? Ты знаешь, у мамы боли в подложечной области, а она всё молчала. Я давно замечал, что она плохо выглядит и похудела. Но она ничего не говорила, и я её не спросил. А сейчас вижу, что у неё какая-то нехорошая бледность. Боюсь, не опухоль ли. Может быть, придется делать операцию. Я хотел бы попросить шефа.

— Ну уж сразу и операцию. Пойдем к доктору Сеницыну.

— Но ведь он же редко оперирует, все больше занимается хозяйственными вопросами. Как же ему доверить мать?!

— Зачем ты говоришь об операции? Давай сначала ставить вопрос о госпитализации и обследовании. А это как раз по его части. Кроме того, ты же знаешь, он оперирует на желудке...

Обследование, проведенное в клинике, показало, что у Анны Ивановны рак желудка. Нужна была большая операция. Дмитрий Иванович опять пошёл советоваться к доктору Нахвотову, полагая, что тот искренне желает ему помочь. На самом деле Юрий хотел показать, что можно и без профессора сделать хорошо. Доктора Сеницына он попросил об этой больной шефу не говорить. Между тем сам доктор Сеницын давно хотел сделать большую операцию и тем самым утвердить свою репутацию как высокоопытного хирурга.

Не проявляя серьёзного интереса ни к хирургической, ни к научной деятельности, Сеницын с завидным упорством защитил диссертацию и старался на хозяйственных вопросах показать себя нужным для клиники человеком.

Ему импонировала просьба Юрия. Он готов был проверить свои силы на большой операции. Мечтал о том, как все заговорят о нём, если мать доктора из клиники поправится. Вся слава достанется ему одному. Юрий его всячески поддерживал. Когда встал вопрос об операции, доктор Гусев решительно заявил, что он пойдет к профессору, своему шефу, и будет его просить.

На это Юрий по возможности спокойно заявил:

— Сходи, но думаю, что это бесполезно. Только вчера у нас был разговор с профессором об Анне Ивановне. Он сказал, что оперировать её не будет, а поручит доценту или кому-нибудь из хирургов.

— А разве он знает, что она лежит в клинике? — удивился Гусев.

— Да, он знает, — решительно солгал Юрий.

— Почему профессор ко мне так относится? Я полагал, он сам прооперирует мою мать. Он же никому не отказывает, — с недоумением проговорил Дима.

О том, что мать Гусева лежит в клинике и ей нужна операция, профессор ничего не знал и был крайне удивлён, когда при обходе реанимационного отделения увидел её уже после операции — резекции желудка, проведённой Синицыным с ассистенцией доктора Нахватава. Операция продолжалась долго, проходила не гладко, и больная была в тяжёлом состоянии. На вопрос шефа, почему её не показали ему перед операцией и не посоветовались, все смущённо молчали.

2

Ложь чаще всего присуща людям самолюбивым, но слабым и ограниченным, нечистоплотным в нравственном отношении. Ложь — это большой изъян души сердца, ибо без нравственной чистоты не может быть

никакого чувства собственного достоинства. Благородный человек не унижится до лжи. Но иногда не сказать правду там, где её нельзя говорить, не только не предосудительно, но и благоразумно. В то же время солгать — в любом случае низко и глупо. Умный человек найдёт известные границы, «...по обе стороны которых не может быть ничего правильного» (латинская пословица). Эти границы ничем не обозначены, их может увидеть своим мысленным взором лишь человек честный, умный и смелый.

В сложной ситуации он проявит соответствующую гибкость, чтобы не прибегать ко лжи, ибо среди людей, обладающих высокой культурой, считается, что нет ничего более преступного, более низкого, чем ложь. Как правило, она является порождением злобы, трусости и тщеславия. Человек, пользующийся этим оружием для достижения своих низменных целей, никогда не достигнет желаемого. Временный успех, который ему удалось получить, очень быстро и очень часто кончается позором.

Как-то у нас лежал больной с неясным диагнозом. Это был средних лет мужчина, у которого уже длительное время были боли в области червеобразного отростка. Больного вёл врач Н. Он чуть ли не в первый день безапелляционно заявил, что у больного хронический аппендицит, и собирался на следующий день взять его на операцию. Но заведующая отделением увидела, что симптомы болезни не укладываются в клиническую картину аппендицита. Она предложила отложить операцию и сделать тщательное рентгеновское обследование толстого кишечника. Больному провели исследование, сделали снимки, но рентгенологи в тот же день заключение по полученным снимкам не дали, обещали написать позже. В день обследования дежурил по клинике Н. Воспользовавшись правами ответственного, он

решил прооперировать больного, не дожидаясь заключения рентгенолога. Когда он брал больного, другой врач ему сказал:

— Заведующая отделением не рекомендовала брать больного до рентгеновского исследования.

— Обследование было сегодня утром.

— Какое же заключение?

— Рентгенологи не написали. Но, судя по полученным снимкам, там все благополучно, противопоказаний к операции аппендэктомии у него нет.

— Всё-таки нужно спросить заведующую. Можно ли брать больного, не дожидаясь заключения?..

Н. пошёл в кабинет заведующей. Сестра сказала, что заведующая ушла домой. Н. вернулся и сказал:

— Буду делать операцию.

Тут надо сказать, что у некоторых хирургов существует повышенный интерес, какое-то чрезвычайное желание оперировать. И они с гордостью заявляют: «Я сделал столько-то аппендэктомий!» Или столько-то грыжесечений и т. д. Нередко повышенный интерес к технике операции наблюдается у тех, кто плохо оперирует. Они этим хотят как бы «набить» руку, потренироваться.

Был у моего учителя Николая Николаевича Петрова помощник — уролог М. У него были на редкость плохие хирургические руки, и они сочетались с какой-то патологической страстью делать операции. Он был немолодой, много старше Н.Н. Петрова, но никогда не упускал случая прооперировать больного, особенно если больной лежал в его палате. Много раз больные и их родственники просили меня, чтобы я сделал операцию. Но я был на положении доцента и не имел права брать больных без разрешения врача, ведущего палату. Он же никогда не соглашался на это и обязательно оперировал сам. Я часто ему ассисти-

ровал. И это были для меня поистине мучительные минуты. Душа разрывалась на части при виде его неловких, опрометчивых движений. Нередко вырывал у него из скальпель и спасал больного от неминуемой катастрофы. После таких операций я сам ходил больной и несколько дней вынужден был приходить в себя от этих душевных мук и потрясений. Мне такие хирурги непонятны. Я никогда не «жаждал» делать операцию. Я всегда хотел лишь одного — помочь больному, избавить его от недуга, спасти его, каким путём — это неважно. Если надо делать операцию, я легко иду на это. Если можно сделать все без неё — мне ещё лучше. Я решительно не понимаю хирургов, которые любят делать операции. Не знаю, чего тут больше: неосознанного стремления удовлетворить жажду риска или плохо скрытого желания «блеснуть» хирургическим талантом и тем самым возвысить себя в глазах окружающих. Так или иначе, но в этом стремлении нет главного: заботы о больном, естественной для врача потребности излечить недуг, облегчить страдание.

В нашем случае врач Н. руководствовался именно этим противоестественным для врача стремлением во что бы то ни стало сделать самому операцию. Предосторожности же старших товарищей относил к робости, желанию перестраховаться, тянуть время. Затяжка с операцией его раздражала. Он всё больше укреплялся в намерении доказать свою правоту.

Итак, во время своего дежурства, взяв в помощники студента 6-го курса, Н. стал делать операцию под местной анестезией.

Во время операции установил, что отросток запаян в какой-то конгломерат. Попытки выделить отросток ему не удалось; он нервничал, кричал на своего ассистента, на сестру, на больного, который «дует» и не

даёт оперировать», и под конец, видя, что ему не справиться с операцией, вызвал заведующую отделением. Та приготовилась, надела перчатки и, только коснулась конгломерата, сразу же сказала: «Здесь рак слепой кишки. Надо делать расширенную операцию — удалить половину толстого кишечника. Здесь нужен наркоз и хороший наркотизатор, нужен целый набор инструментов, которые не подготовлены, и их надо готовить и стерилизовать, здесь надо не менее 1—1,5 литра крови — они тоже не подготовлены. Нужен дополнительно хороший ассистент».

Заведующая отделением вызвала старшую операционную сестру, доцента и попросила приготовить все необходимое.

Приехав в клинику, доцент убедился, что над больным нависла смертельная опасность. С большим трудом ему удалось спасти человека.

Я потом много думал над поступком врача Н. Передо мной по-новому предстала вся линия его поведения. Он всегда отличался излишней самоуверенностью, опасной для хирурга категоричностью выводов и суждений, при этом на редкость ленив и малоспособен. Ложь в его характере развивалась от наличия у него этих двух противоположных качеств. Как говорят в народе: не мытьем, так катаньем, не трудом, так обманом.

У нас иногда наказывают не лжеца, а того, кто ему на слово поверил. Нет более порочного метода воспитания, чем этот. Человек обязан верить другому человеку, и тот, который не верит, сам должен рассматриваться как непорядочный человек. Но в то же время лжец всегда должен нести наказание за ложь, где бы и в каком бы виде она ни проявлялась. Справедливое общество нужно строить на полном доверии и в беспощадной борьбе с ложью.

Будучи во Вьетнаме, я был свидетелем такого забавного инцидента. Инженер из одной европейской страны, обращаясь к вьетнамцу Нгуен Ван Хо, сказал:

— Пойдите, пожалуйста, на стройку и проверьте, кончили ли там возить песок.

Вьетнамец пошел, но посреди дороги встретил рабочего стройки Го Хин Лина, который ему сказал, что песок возить кончили. Вернувшись, Нгуен доложил:

— Да, кончили, мне сказал Го.

— А вы сами проверили?

— Да, — отвечает Нгуен. — Проверил, мне Го сказал, что кончили.

— А вы сами видели?

— Нет, не видел.

— Тогда сходите и проверьте сами.

Нгуен был поражен. Среди них услышать от товарища о том, что сделано, не менее надёжно, чем увидеть самому, настолько невероятной для них казалась возможность неправды.

Бывая за границей и наблюдая за обычаями, я в некоторых странах заметил, что там очень часто в строго официальных, в том числе и денежных, документах верят на слово, сказанное даже по телефону.

В Хьюстоне мне был выдан именной чек на 500 долларов. В банке у меня попросили «идентификешен», то есть удостоверение личности. Но мы, приехавшие из России, все свои документы оставляли в Нью-Йорке, в консульском отделе, так как внутри страны паспорта там никто не спрашивает. Я ответил, что у меня удостоверения личности нет. Менеджер задумался. Как же быть?

Я звоню секретарю профессора Де Бэки и говорю: «Вива! Мне деньги не дают, потому что у меня нет «идентификешен». Она сказала: «Дайте трубочку мене-